

История и практика собраний в Ранней Церкви. Серия «Монографии СПбХУ». Аликин Валерий Александрович. СПб.: Изд-во СПбХУ, 2017. 416 с.; ISBN 978-966-8957-55-0; 600.00 RUB *

DOI: 10.29357/2521-179X.2020.24.11

Книга Валерия Аликина является адаптированной версией его докторской диссертации защищенной в Лейденском университете в 2009 году. Автор учел все предложения и замечания специалистов, которые были высказаны после защиты, поэтому текст является переработанным вариантом диссертации.

Автор определяет цель книги, как попытку воссоздать самые ранние этапы истории собраний христианской Церкви в греко-римском мире. В. Аликин ставит перед собой двоякую задачу, сначала определить истоки раннехристианских собраний в контексте средиземноморской культуры I в. н.э. акцентируя внимание на взаимосвязи собраний ранних христиан и других сообществ. С другой стороны, предпринимается попытка изучить и описать содержание и развитие ранних христианских собраний во II и III вв. н.э.

Первую важную методологическую предпосылку автор очерчивает уже на первой странице, поскольку собрания ранних христиан, как социо-религиозное явление появляются в культурном окружении греко-римского мира, «любая попытка проследить историю появления христианских собраний, должна учитывать это окружение» (1). В связи с этим работа, несомненно, является продолжением исследований таких авторов как М. Клигхард, Д. Смит, Дж. Клоппенборг, Р. Аскоф, Ф. Харланд и др., которые выражают идею, что банкеты античных ассоциаций являются структурным элементом античной культуры.

Вторая предпосылка появляется в конце книги, в заключении. Автор утверждает, что «теория, объясняющая происхождение христианских собраний от единой средиземноморской традиции, выглядит более предпочтительнее, в сравнении с теориями, стремящимися объяснить истоки и форму христианских собраний исключительно посредством различных культурно-религиозных традиций» (348). Вывод выглядит привлекательным, но, к сожалению, не убедительным. В частности возникает вопрос, почему единство традиции должно быть превалирующим над многообразием? Даже если это так, к сожалению, книга не убеждает в этом.

В первой главе автор освещает происхождение собраний в ранней Церкви в свете обычаев и практик характерных для добровольных религиозных сообществ того времени. Здесь раскрывается характер и основные черты собраний добровольных сообществ греко-римского мира, апеллируя к первоисточникам и ключевым научным работам по этой теме.

* Статья поступила в редакцию 2.04.2020; утверждена в печать 19.04.2020.

Говоря о времени проведения собраний в ранней церкви в Палестине 30-40-ых годов I в н.э., автор после тщательного анализа существующих подходов приходит к выводу: «в целом, ни одна из теорий, которые используются для объяснения выбора воскресения...не дает удовлетворительного ответа по данному вопросу» (59-60). Продолжая, автор утверждает, не безосновательно, что поскольку суббота оставалась для евреев важным днем, когда они совершали совместный семейный ужин, а в пятницу вечером готовились к нему, «следовательно, иудеохристианам необходимо было выбрать другой вечер для своих собраний» (62). Далее утверждается что христиане выбрали ближайший день – воскресенье. О причине такого выбора В. Аликин пишет «они вероятно сделали это, потому что считали Вечерю Господню более значимой чем иудейский семейный ужин» (62) и «так как для иудеохристиан их общинный ужин превосходил по значимости и в своем роде соперничал с субботним ужином, то для проведения своего ужина они выбрали ближайший вечер после субботы, то есть воскресенье» (62)». Но он не объясняет, почему была такая необходимость, выбирать именно ближайший день после субботы? Оснований для такого вывода не наблюдается.

Вторая часть раздела посвящена месту собрания ранних христиан, где автор не безосновательно приходит к выводу, что христианские общины на протяжении I и 2 веков собирались в частных домах.

В разделе, посвященном вопросу христианский симпосий, описывая самое раннее упоминание христианского симпосия в I Кор 12-14, автор перечисляет все возможные составляющие его программы. Но правомерно ли экстраполировать практику коринфской церкви, говоря, что везде в христианских общинах проходил такой же порядок программы на симпозиуме? (81-83). Далее возникает путаница. Ссылаясь на Иустина, Климента Александрийского и Тертуллиана, автор делает следующий вывод: «то, что в собрании христиан чтение Писания и проповедь появляются до Евхаристии, отражает важное изменение в порядке собраний христиан во 2 в. н.э.» (87). Но, перед этим автор утверждал в контексте Коринфской общины, что порядка как такового не наблюдалось, в раннехристианских собраниях «не существовало фиксированного порядка для их предоставления в собрании» (83), «складывается впечатление, что в I в. н.э., различные действия и выступления во время симпосия христиан не имели еще фиксированного порядка» (85). В таком случае, возникает вопрос по отношению к чему появляются эти изменения? При этом автор использует Дидахе как один из источников, но датировка традиций Дидахе очень неоднозначна, начиная с конца 30-х годов I века н.э заканчивая 120 г. н.э. Как этот текст может отражать практику II века? Дж. Драпер, на которого опирается Валерий, в статье 2015 г. не так категоричен¹. При этом два других источника, Климент и Тертулиан пишут в самом конце II века. Как эти три разных текста могут отражать традицию всего христианского мира во II веке??

¹ Jonathan A. Draper, «Conclusion: Missing Pieces in the Puzzle or Wild Goose chase? A Retrospect and Prospect» in *The Didache: A Missing Piece of the Puzzle in Early Christianity*, ed. Jonathan A. Draper and Clayton N. Jefford (Early Christianity and Its Literature, 14. Atlanta: SBL Press, 2015), 530-532.

Раздел заканчивается обзором истории развития функций руководителей Церкви с 1 в. до 4 в н.э. Приводя много цитат, Валерий иногда упускает более глубокий анализ. Например, говоря о Фессалоникийской Церкви, ограничивается просто упоминанием греческого слова для лидеров этой Церкви, оставляя без каких-либо объяснений, хотя глава как раз и посвящена исследованию таких руководителей общины (90).

Во второй главе автор опираясь на самую раннюю информацию об утренних собраниях ранних христиан приходит к интересному выводу, что возможно эти собрания возникли «по аналогии с утренними собраниями которые проводились другими религиозными группами греко-римском мире включая как иудеев так и язычников» (116).

Третья глава посвящена вопросу происхождения и развития Вечери Господней в первых трех веках христианства. Один из важных выводов здесь, это то, что традиция 1 Коринфянам и Дидахе в этом вопросе имеет больше общего чем расхождений.

В четвертой главе автор исследует практику чтения Писания на христианских собраниях в ранней Церкви. В. Аликин реконструирует этапы ее развития, и ключевые факторы на это повлиявшие, при этом он показал, что такая практика больше соответствует обычаю чтения различных текстов во время пиров греко-римского мира. В конце автор рассматривает интересный вопрос, связанный с институтом чтецов в ранней Церкви.

Пятая, шестая и седьмая глава посвящены проповеди, пению, музыке и молитве на собраниях ранних христиан. Основываясь на Новозаветных и экстра-библейских текстах, автор возводит эти составляющие также к практике греко-римских симпозиев. Последняя глава рассматривает прочие обряды, такие как святой поцелуй, возложение рук, омовение ног и помазание елеем, материальное служение, исцеление и экзорцизм.

Хотя при чтении книги может сложиться впечатление что автор пытается дать ответы на слишком большое количество вопросов, что неизбежно ведет порой к упрощению, в целом книга будет полезной как для специалистов в этой области, так и для более широкого круга читателей.

*Степанченко Станислав Викторович
Львовская богословская семинария
Львов, Украина*

ORCID: 0000-0003-3035-358X